

ОГЛАВЛЕНИЕ

■ ВВЕДЕНИЕ

I РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОНКУРС МОЛОДЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ 2

■ I РАЗДЕЛ

ПЕРЕВОДИМ ПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ 7

■ II РАЗДЕЛ

ПЕРЕВОДИМ ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ 23

■ НАШИ РУБРИКИ:

© Институт Пушкина, 2014

Составители: И. Мангус, Н. Ягинцева
Редактор: Н. Ягинцева
При поддержке Фонда Русский мир

ISBN 978-9949-9535-1-6

ВВЕДЕНИЕ

- ВЕСНОЙ 2014 ГОДА В ЭСТОНИИ ПРОХОДИЛ I РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОНКУРС МОЛОДЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ «ПОЧТОВЫЕ ЛОШАДИ ПРОСВЕЩЕНИЯ», ОРГАНИЗОВАННЫЙ ТАЛЛИНСКИМ ИНСТИТУТОМ ПУШКИНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «РУССКИЙ МИР».

«Почтовыми лошадьми» образно назвал переводчиков А. С. Пушкин, подразумевая, что именно они доставляют через расстояния читателям произведения иностранных авторов. Только благодаря переводчикам мы имеем возможность прочитать произведения, написанные на языке, которым мы не владеем или владеем недостаточно.

Для перевода предлагалось четыре текста современных авторов: два на эстонском языке (авторы – Дорис Карева и Айно Первик), два – на русском (авторы – Екатерина Полянская и Роман Всеволодов).

Призы предусмотрены в следующих номинациях:

- «За лучший перевод прозаического произведения на эстонский язык».
- «За лучший перевод прозаического произведения на русский язык».
- «За лучший перевод поэтического произведения на эстонский язык».
- «За лучший перевод поэтического произведения на русский язык».

В каждой номинации три награды: за первое, второе и третье места.

В конкурсе мог принять участие любой переводчик, делающий первые шаги в художественном переводе и не состоящий ни в каком профессиональном союзе. Никаких ограничений по возрасту, гражданству и месту жительства не устанавливалось. Также не ограничивалось и число конкурсных работ: можно было попробовать свои силы во всех четырёх номинациях.

Церемония награждения прошла 16 мая в Зимнем саду Национальной оперы «Эстония». Работы оценивало компетентное жюри, в состав которого вошли:

- Председатель жюри – доктор педагогических наук, директор Института Пушкина, автор учебников русского языка для эстонских школ и учебников эстонского языка для русских школ – Инга Мангус
- Главный редактор журнала «Вышгород», директор эстонского культурного центра русской энциклопедии – Людмила Францевна Глушковская
- Директор русского Драматического театра – Тыну Ленсмент. Он режиссер-постановщик спектаклей «Триумфальная арка», «Последняя ночь Дон Жуана», «Йыиннь с острова Кихну – дикий капитан»
- Переводчик, лауреат премии Культуркапитал 2013-го года – Вероника Эйнберг. Вероника переводила произведения таких авторов, как Михаил Булгаков, Борис Акунин, Дина Рубина и многих других
- Филолог, преподаватель культуры речи Российской академии государственной службы при Президенте РФ, почётный работник образования РФ Наталия Ягинцева.

На конкурс было прислано более ста работ. Места распределились следующим образом:

- «За лучший перевод прозаического произведения на эстонский язык»:
  - I место – Рауль Гросс (Таллиннская 21 школа)
  - II место – Лаура-Элизабет Кару (Таллиннская Юхисгимназия)
  - III место – Лиза Бочаров (Таллиннская Юхисгимназия)
- «За лучший перевод прозаического произведения на русский язык»:
  - I место – Полина Муртазина (Палдиская общая гимназия)
  - II место – Мария Последова (Таллиннский университет)
  - III место – Серафима Афанасьева (Ыйсмьяэский Русский лицей)
- «За лучший перевод поэтического произведения на эстонский язык»:
  - I место – Йоханна-Мария Поэл (Таллиннская Юхисгимназия)
  - II место – Алисия Емец (Таллиннский Французский лицей)
  - III место – Антон Иванов (Тартуский университет)
- «За лучший перевод поэтического произведения на русский язык»:
  - I место – Инна Ковылина (Таллиннская кесклиннская русская гимназия)
  - II место – Анастасия Фролова (Тапаская гимназия)
  - III место – Александр Лысенко (Ыйсмьяэский Русский лицей)

Поощрительные призы были вручены Екатерине Фроловой (Евроакадемия) и Михаилу Айзупу (Нарвская Солдино гимназия), которые сделали все четыре перевода.

Всех победителей ждал замечательный приз – путешествие по Золотому кольцу. Это туристический маршрут, проходящий по древним русским городам, в которых сохранились уникальные памятники истории и культуры. Такая поездка стала возможна благодаря Посольству Российской Федерации в Эстонии.

На русский язык участники конкурса переводили фрагмент сказки Аино Первик. На торжественной церемонии награждения было зачитано её обращение к молодым переводчикам:

Läkitus noortele tõlkijatele

*On tõesti suur heameel, et tõlkimine
on kõigi teie meelest tore tegevus!*

*Tõlkimisega on nii, et siin ei aita sellest,
et sa saad aru, mis teises keeles on kirja
pandud. Vaja on osata seda oma keeles
niiviisi edasi anda, et kirjaniku mõtted
oleksid sinu keeles lugejale arusaadavad
ja niisama lähedad kui kirjaniku tekstis.
Vahel on päris raske leida mõne kõnekäänu
või ütluse tõlkimiseks õigeid sõnu.
Erinevates keeltes öeldakse ju tihti mõne
asja kohta isemoodi. Eesti keeles näiteks
öeldakse: vesi ahjus, kui keegi hätta jääb.
Või jänes põues, kui kellelgi on hirm nahas
või ta on hirmu täis, see tähendab lihtsalt,
et ta kardab. Nende sõnadega pole jälle
mõnes muus keeles midagi peale hakata.
Tõlkija peab olema leidlik ja otsima
oma keelest sobivaid sõnu ja väljendeid.*

*Niiviisi õpib tõlkija ka oma keelt juurde,
mis on eriti tore!*

*Soovin teile kõigile kannatlikku meelt
ja mitte ainult võõraste keelte tundmist, vaid
ka oma keele rikkuste avastamist!*

Aino Pervik

РАЗДЕЛ I

ПЕРЕВОДИМ ПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Переводы – не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общения культур и народов.

Борис Пастернак

Мы переводим стрелки часов, переводим деньги на счёт.

В слове «перевод» ощущается нечто техническое, а не творческое.

Пожалуй, оно вполне оправдывает себя в тех случаях, когда относится к переводу документа, письма или устной речи с одного языка на другой.

Иное дело – художественный перевод, немислимый без затраты душевных сил, без воображения, интуиции, – без всего того, что необходимо для творчества.

Переводчик – человек, который должен прочитать произведение на языке оригинала, полюбить это произведение, проникнуться им, попасть под его влияние и воспроизвести на другом языке сокровенные мысли, образы, тончайшие оттенки чувств, которые уже нашли свое предельно точное выражение в языке подлинника.

Переведенные произведения должны быть настолько хороши, чтобы войти в литературу, как самостоятельное явление культуры. Неслучайно практически все великие переводчики были писателями и поэтами, то есть людьми, тонко чувствующими слово. В. Жуковский, А. Пушкин, И. Бунин, Б. Пастернак, С. Маршак...

И сколько бы ни распространялось образование, как бы ни ширилось в обществе знание иностранных языков, – необходимость в поэтах – переводчиках всегда будет.

Работа эта очень трудная, тонкая. Ведь даже замена одного слова другим в стихах или в художественной прозе весьма существенна.

Это интересно!

Ещё в 18 веке, в учебнике Риторики М. В. Ломоносов привёл пример, показывающий, как может изменить смысл и стиль фразы замена слова синонимом.

Робкая дева трепещет.

Трусливая девка дрожит.

В переводе же все слова заменяются другими, да еще принадлежащими иной языковой системе, которая отличается своей особой структурой речи, своими бесчисленными причудами и прихотями.

Когда-то академик А.Ф. Кони, говоря о том, какое значение имеет порядок, в котором расположены слова, и как меняется смысл и характер фразы от их перемещения, подтвердил свою мысль замечательным примером перестановки двух слов:

«Кровь с молоком»¹ – и «молоко с кровью».

¹ Фразеологизм КРОВЬ с МОЛОКОМ встречается во многих европейских языках и означает «здоровый, с хорошим цветом лица». На Руси издавна признаком красоты и хорошего здоровья считалась белая кожа и румянец на щеках.

А ведь при переводе на другой язык словесный порядок всегда изменяется, подчиняется синтаксису другого языка. Да и сами-то слова приблизительно одного значения существенно отличаются в разных языках своими оттенками.

И у неосторожного переводчика всегда может получиться «молоко с кровью».

Чтобы избежать этого, необходимо знание чужого языка и, пожалуй, еще более основательное знание своего. Надо так глубоко чувствовать природу родного языка, чтобы не поддаваться чужому, не попасть к нему в рабство. И в то же время перевод с французского языка должен заметно отличаться стилем и колоритом от перевода с английского, эстонского или китайского.

Для перевода с русского на эстонский язык был предложен рассказ Романа Всеволодова «Праздник».

Член Союза писателей России, руководитель секции прозы литературного объединения «Молодой Петербург», руководитель литературного клуба «Дерзание».

Произведения Романа Всеволодова характеризует постоянное обращение к историческим и литературным персонажам. Его герои – Екатерина Вторая, Толстой, Достоевский, Розанов, М. Монро, Гамлет, Ромео и Джульетта) Основываясь на документальных источниках, Роман по-новому интерпретирует известные события и факты. Он удостоен премии Министерства культуры в области драматургии, премии «Молодой Петербург» и других.

РОМАН ВСЕВОЛОДОВ «ПРАЗДНИК»

– А вы писатель, да? – спросила она.

(...)

– Да так, – сказал, – пишу что-то. А вы рисуете, да?

– Да. Меня Оля зовут, – сказала девушка, протянув мне руку.

Я подумал: «Поцеловать ее или пожать?». Все-таки осторожно коснулся ее губами. И вдруг ощутил на губах какой-то очень приятный вкус.

Я, как и все другие, много выпил в этот вечер, но почувствовал опьянение только сейчас, когда поцеловал руку этой незнакомой мне девушки. Все окружающее вдруг мгновенно затянулось какой-то пеленой. Я видел только ее лицо. Мы что-то говорили, но у меня было ощущение, что говорю не я, а кто-то другой. Слова уже были условностью, ничего не значащими звуками, сотрясающими воздух. Важно было только одно – ее глаза. Я чувствовал, что тону в них.

(...)

Начались танцы, и я уже хотел было пригласить Олю, но тут зазвонил мой мобильный телефон и я, извинившись, вышел в другую комнату.

Позвонил отец и спросил, могу ли я перезвонить с простого телефона. Я подумал, что ответить. Значит, он знает, что предстоит какой-то долгий разговор. Но я ответил, что могу.

Последний раз я говорил с ним год назад.

Я вышел на кухню, чтобы никто не слышал, что я говорю.

– Старик, извини, – начал он, и я чувствовал, что ему очень неловко, – если ты занят, скажи...

Я уже понимал, что ему неловко оттого, что он звонит мне просто так, без всякого повода, просто чтобы поговорить. Мои родители развелись, еще когда я учился в восьмом классе, классе в одиннадцатом мы совершенно перестали общаться с отцом. Несколько раз виделись случайно. Тогда он ушел к другой женщине, и был с ней счастлив. Два года назад она его бросила, и он остался один. Он тяжело болел в последнее время. Но я съездил к нему только один раз. Не потому, что я его не любил, – просто испытывал какую-то неловкость. Так стыдишься нищих или калек, чувствуя перед ними какую-то вину.

– Старик, может, ты приедешь ко мне сегодня... у меня тут коньяк есть очень дорогой. Подарили. Уже месяц стоит. Потому что только с таким же дорогим человеком могу его распить. Ну, как?

Я с грустью подумал, что, вряд ли кто-то сейчас делает ему такие дорогие подарки. Наверное, специально купил. Может, на последние деньги.

– Ну, как, приедешь? – спросил он. – Не, ты не подумай, я не навязываюсь...

Ехать было недалеко. Мне представился отец – старый, больной, стесняющийся своих слов, разливающий коньяк и старающийся при этом не смотреть мне в глаза.

А там, за дверью, рядом, – музыка. Там танцуют. Там весело. Бутерброды с черной икрой, торт со свечами... И, главное, там Оля. Оля.

И тут она вошла.

– Там танцуют, – сказала она, – меня уже четыре раза приглашали. Я не могу больше тебя ждать.

– Слушай, я не могу, наверное, – сказал я в трубку.

– Да, ладно, старик, – сказал отец, – я все понимаю, я не обижаюсь. Я люблю тебя.

Я тоже хотел сказать эти же слова. Я знал, как они сейчас нужны ему. Как они ему помогут. Эти три слова спасут его хоть ненадолго от одиночества и сделают его счастливым на целый вечер. Но что-то не давало мне их произнести... Страх показаться сентиментальным, боязнь пафоса, робость...

Да тут еще и Ольга рядом.

Она подошла ко мне и обняла меня за шею.

– Ну, скажи еще, что ты разговариваешь с мамой, и сейчас скажешь ей на прощание «я тебя люблю».

– Ладно, пока, созвонимся, – сказал я в трубку, и только уже, попрощавшись, понял насколько холодным, чужим голосом я произнес эти слова.

– Я не спрашиваю тебя, с кем ты говорил, – игриво произнесла Ольга. – Губы не для слов. Они – для поцелуев.

И она поцеловала меня в губы.

– А теперь пойдем танцевать!

Потом мы очень долго танцевали. Гости решили не расходиться до утра. Я уже плохо помню, что было потом. Помню только то, что постоянно были заняты ванная и туалет.

Мы уже целовались с Ольгой за столом. Но сладость поцелуев мешалась с горечью мыслей об отце.

Я вышел на кухню позвонить ему, но телефон не отвечал. Набрал номер еще раз. Опять никто не подошел. Я постоял на кухне, ожидая, что Ольга придет ко мне. Мне хотелось остаться с ней вдвоем, но она так и не пришла.

А когда я вернулся в комнату, то увидел, что она целуется с Сашкой.

На другой день мне было очень плохо. И не только из-за похмелья. Я ведь предчувствовал, что что-то должно произойти. Все мы смертны, и случилось то, что рано или поздно случается со всеми.

И я до сих пор думаю: почему я не произнес тогда всего три слова, которые сделали бы счастливым моего отца?

Всего три слова.

Всего три.

В рассказе Романа Всеволодова есть фраза, которую говорит отец сыну: «Да, ладно, старик, – сказал отец, – я все понимаю, я не обижаюсь». Основное значение слова «старик» – мужчина, достигший старости. В русском языке в разговорной речи это слово употребляется ещё в значении «опытный бывалый человек». В рассказе Романа слово «старик» используется как дружеское обращение, что непривычно для эстонской культуры. Интересно, что в работах конкурсантов встретилось девять вариантов перевода этого слова: vana, kutt, vanamees, mees, vanake, vanapoiss, poeg, semu, toi, känd

А вот как по-разному переводилась с русского языка на эстонский очень сложная фраза «слова у же были условностью, ничего не значащими звуками, сотрясающими воздух»:

Sõnad juba olid tinglikud, mitte midagi sõnad ei tähendanud, ainult põrutasid õhku.

Sõnad olid nüüd tinglikud – õhus võbelev heli.

Sõnad olid vaid tinglikud, tühjad sõnakõlksud, õhku vöbisema panevad.

Sõnad tundusid olevat sisutud helid, mis õhku raputasid.

Sõnad ei omanud enam tähendust, need olid lihtsalt helid, mis panid õhu võbelema.

Sõnad olid ainult formaalsus, neil polnud mitte mingisugust tähendust, vabisedes õhku.

Sõnadeks polnud tarvidust, need olid tähenduseta helid, mis löikasad õhku.

Sõnad olid nüüdseks ainult tingimuslikud, tähendamatud helid, mis vappusid õhus.

Sõnad olid juba tingimuslikud, tähendusrikkad helid, mis panid õhu vappuma.

Sõnad olid nagu tähenduseta heli, õhuvärelus.

Переводчик – Рауль Гросс
(Таллиннская 21 школа)

PIDU

«Te olete vist kirjanik, jah?», küsis ta.

(...)

«Võib ka nii öelda, kirjutan midagi. Aga Teie, te joonistate, jah?»

«Just nii. Minu nimi on Olga», ütles neiu mulle kätt ulatades.

Ma mõtlesin: «Kas suudelda või suruda?» Otsustasin kätt siiski ettevaatlikult huultega puudutada. Ja tundsin äkitselt huultel mingisugust väga meeldivat maiku.

Ma olin tol õhtul nagu kõik teisedki palju joonud, kuid tundsin end joobununa alles nüüd kui olin selle võõra tütarlapse kätt suudelnud. Kõik ümbritsev väreles justkui udus. Ma nägin ainult tema nägu. Me rääkisime millestki, kuid mulle tundus, et minu asemel räägib keegi teine. Sõnadeks polnud tarvidust, need olid tähenduseta helid, mis löikasad õhku. Tähendus oli ainult tema silmadel. Ma tundsin, et upun neisse.

(...)

Algas tants ning ma tahtsin paluda Olgat, kuid siis helises mu mobiiltelefon. Ma vabandasin ning läksin teise tuppa.

Helistas isa ja küsis, kas ma võiksin talle helistada tavatelefonilt. Mõtlesin, mida vastata. Isa vist teadis ette, et meid ootab ees pikk jutuajamine. Ma vastasin siiski, et helistan talle tagasi.

Viiimane kord rääkisime me aasta tagasi.

Ma läksin kõõki, et keegi meie juttu pealt ei kuuleks.

«Vanapoiss, vabanda,» alustas ta ning ma mõistsin, et tal on piinlik, sest helistab mulle lihtsalt niisama, põhjuseta, lihtsalt selleks, et vestelda.

Ma õppisin kaheksandas klassis, kui mu vanemad lahutasid, ning üheteistkümnendal õppeaastal ma enam isaga ei suhelnud. Paar korda nägime teineteist juhuslikult. Tol ajal läks ta teise naise juurde ja oli temaga õnnelik. Kaks aastat tagasi jättis naine ta maha ning isa jäi üksi. Viimasel ajal on ta raskelt haige. Sellele vaatamata külastasin ma teda vaid korra. Mitte sellepärast, et ma teda ei armasta – lihtsalt tundsin end kuidagi kohmetult. Nii, nagu koged piinlikkust kerjuse ja santide ees, tajud endal lasuvat süütunnet.

«Vanapoiss, ehk tuled täna minu juurde... mul on siis kallis konjak. Kingiti. Kogub juba kuu aega tolmu. Ainult sinusuguse kalli inimesega saan kokku lüüa. Kuidas oleks?»

Ma mõtlesin kurbusega, et vaevalt teeb keegi talle praegusel ajal selliseid kalleid kinke. Vist ostis ise, ettekäändeks. Võib-olla, et viimase raha eest.

«Kuidas on, kas tuled?», küsis ta, «Ei, ära arva, et ma sunnin.»

Sõita ei tulnud kaugele. Isa kerkis mu silme ette: vana, haige, omaenese sõnu häbenev, konjakit välja valamas ja minu silmi vältimas.

Aga seal, ukse taga, siinsamas – muusika. Seal tantsitakse. Seal on lõbus. Võileivad tuuramarjaga, tort, küünlad peal... Ja mis kõige tähtsam, seal on Olja. Olja.

Ja siis ta astuski tuppa.

«Seal tantsitakse,» ütles ta, «mind paluti juba neli korda tantsule. Ma ei saa sind kauem oodata.»

«Kuule, ma vist ei saa,» ütlesin ma telefonitorusse.

«Jah, olgu, vanapoiss,» vastas isa, «ma saan aru, ma ei pane pahaks. Ma armastan sind.»

Ma tahtsin samuti need sõnad kuuldavale tuua. Ma mõistsin, kuidas ta neid sõnu vajab. Kuidas need talle abiks oleks. Need kolm sõna päästavad ta mõneks ajaks üksindusest ja teevad terve öhtu tema jaoks helgeks. Kuid sõnad jäid kurku kinni... Ma pelgasin olla sentimentaalne, liigpidulik????? ... Ja Olga on ju siinsamas.

Ta tuli mulle lähemale ja embas mind.

«Ütle mulle veel, et sa räägid emaga ja lausud talle: Ma armastan sind.»

«Olgu, nägemiseni, helistame,» ütlesin ma torru ning mõistsin alles nüüd, kui külma ja võõra häälega ma need sõnad laususin.

«Ma ei küsi sinult, kellega sa rääkisid,» ütles Olga kelmikalt, «huuled on suudluste, mitte sõnade jaoks.»

Ning ta suudles mind suule.

«Aga nüüd mingem tantsima!»

Me tantsisime kaua. Külalised olid nähtavasti otsustanud hommikuni pidutseda. Ma mäletan halvasti, mis hiljem toimus. Meenub vaid see, et vannituba ja tualett olid alatasa hõivatud.

Me suudlesime Olgaga juba ka laua taga. Kuid suudluste mesimagususes leidis tilk tõrva. Ma mõtlesin isale.

Ma siirdusin kööki, et isale helistada, kuid keegi ei vastanud. Valisin veelkord numbri. Jällegi ei võtnud keegi toru hargilt. Ma seisin köögis, oodates, et Olga liitub minuga. Ma tahtsin temaga kahekesi jääda, kuid ta ei tulnudki.

Kui ma elutuppa naasin, nägin, et ta suudleb Sašat.

Järgmisel päeval tundsin end väga halvasti. Ja mitte ainult pohmeluse tõttu. Mul oli eelaimus, et miski peab toimuma. Me oleme kõik surelikud ning juhtunud oli see, mis varem või hiljem igapähega meist juhtub.

Ma mõtlesin siiaaani: miks ma ometi ei öelnud tookord neid kolme sõna, mis oleksid isa õnnelikuks teinud?

Ainult kolm sõna.

Ainult kolm.

Лучшие
переводы

Переводчик – Лаура-Элизабет Кару
(Таллиннская Юхисгимназия)

PIDU

– Kas te olete kirjanik? – küsis noor tüdruk.

(...)

– Midagi sarnast. – ütlesin. – Vahel kirjutan, aga kas te olete kunstnik?

– Olen tõesti. Minu nimi on Olja. – ütles neiü ja sirutas mulle oma käe.

Ma mõtlesin hetke: «Kas kätt suudelda või lihtsalt kätelda?». Otsustanut suudlesin ettevaatlikult ta kätt.

Äkki tundsin enda huultel mingit väga mõnusat maitset.

Mina, nagu ka kõik teised olin selle õhtu jooksul palju joonud, kuid alles nüüd suudeldes selle võõra neiu kätt tundsin, et hakkab purju jääma.

Kõik tõmbus ümberringi uduseks. Ma nägin ainult tema nägu.

Me rääkisime millestki, kuid mul oli tunne, et ei rääkinud mitte mina vaid keegi teine.

Sõnad ei omanud enam tähendust, need olid lihtsalt helid, mis panid õhu võbelema.

Tähtsad olid vaid ta silmad. Tundsin nagu upuksin neisse.

(...)

Hakati tantsima. Tahtsin juba Oljat tantsule kutsuda, kuid just siis hakkas minu mobiil helisema. Vabandasin ja läksin teise tuppa.

Helistajaks oli isa. Viimati rääkisin temaga aasta tagasi. Ta küsis, kas saan talle lauatelefoni pealt tagasi helistada. Teades, et tuleb pikk jutuaamine, mõtlesin mida vastata.

Vastasin, et saan helistada ja läksin kööki, et mitte keegi ei kuuleks meie vestlust pealt.

– Poeg, anna andeks. – hakkas isa jutuga pihta. – Ega sa juhuslikult hõivatud ole?

Ma sain kohe aru, et tal oli ebamugav, sest helistas ilma mingi põhjusega. Lihtsalt, et lobiseda.

Minu vanemad läksid lahku, kui ma käisin kaheksandas klassis. Isa läks teise naise juurde ja oli õnnelik. Kaks aastat tagasi jättis aga see naine ta maha.

Umbes üheteistkümnenda klassi algusest suhtlesime isaga harva. Mõnikord kogemata kohtusime.

Ta on raskelt haige ja mina olen teda külastanud ainult üks kord.

Mitte sellepärast, et ma ei armastanud teda, vaid lihtsalt oli mingi ebamugav tunne.

Nagu siis, kui näed kerjuseid või ebardeid ja tundes nende ees mingisugust süüd.

– Poeg, äkki tuled täna minu juurde... mul on siin üks väga kallis konjak. Kingiti ning juba kuu aega seisab. Sellepärast, et ainult sama kalli inimesega võib seda juua. Kuidas tundub?

Ma mõtlesin nukralt, et vaevalt teeb talle keegi praegu nii kalleid kingitusi.

Tõenäoliselt ostis spetsiaalselt. Võimalik, et viimase raha eest.

– Kuidas siis jääb, tuled? – küsis isa. – Ära mõtle, et sunnin sind tulema.

Sõita ei olnud kaugele. Ma kujutasin isa ette: vana, haige, häbeneb oma sõnu, kallab konjakit välja ja üritab selle juures mulle mitte silma vaadata. Ukse tagant kostab muusika. Seal tantsitakse. Seal on lõbus. Võileivad musta kalamarjaga, tort küünaldega... Ja kõige tähtsam seal on Olja. Olja.

Sel hetkel sisenes ruumi Olja.

– Seal tantsitakse, – ütles neiu, – mind on juba neli korda tantsule kutsutud. Ma ei jaksa sind enam oodata.

– Kuule ma ei saa ikka tulla, – ütlesin telefoni.

– Pole midagi, – ütles isa, – saan kõigest aru. Ma ei ole solvunud. Ma armastan sind.

Tahtsin talle ka samad sõnad öelda. Teades, kui palju ta neid praegu vajab ning kuidas need teda aitaksid. Need kolm sõna päästaksid ta mõneks ajaks üksildusest ning teeksid terveks õhtuks õnnelikuks.

Kuid miski segas mind neid sõnu ütlemast... Hirm näida sentimentaalsena, kartus paatose eest, argus... ja siis veel Olga, kes seisis mu kõrval.

Ta tuli mu kõrvale ja kallistas mind.

– No ütle nüüd, et sa räägid emaga ja sõnad hüvastijätkuks «Ma armastan sind».

– Hea küll, head aega, helistame, – ütlesin ma telefoni ja alles peale hüvastijätku sain aru, kui külma ja võõra häälega olin need sõnad lausunud.

– Ma ei küsi sinu käest, kellega sa rääkisid. – sõnas Olga märglevalt. – Suu ei ole rääkimiseks. See on suudlemiseks.

Ta suudles mind huultele.

– Lähme nüüd tantsima!

Pärast seda me tantsisime väga kaua. Külalised otsustasid lahkuda alles hommikul.

Ma mäletan halvasti, mis pärast tantsimist juhtus. Meenub ainult, et kogu aeg vannituba ja tualett olid hõivatud.

Me suudlesime Olgaga laua taga. Magusad suudlused läksid peas segamini kurbade mõtetega isast.

Ma läksin kööki, et talle helistada, kuid telefonile ei vastanud keegi.

Helistasin uuesti. Jällegi ei vastanud keegi.

Ma seisin köögis oodates, et Olga tuleks minu juurde.

Ma tahtsin jääda temaga kahekesi, kuid ta ei tulnudki.

Ja kui ma tuppa tagasi läksin, siis nägin, et ta suudleb juba Saškaga.

Järgmine päev oli mul väga paha olla. Mitte ainult pohmelli, vaid ka halva eelaimduse pärast.

Me kõik oleme surelikud ja juhtus see, mis juhtub varem või hiljem kõikidega.

Ma mõtisklen siiani: miks ma ei õelnud isale need kolm sõna, mis oleksid teda väga õnnelikuks teinud?

Ainult kolm sõna.

Ainult kolm.

PIDU

«Te olete ju kirjanik, eks ole?» päris neuu.

(...)

«Nii ja naa,» vastasin ma, «midagi ma ju kirjutan. Aga kas teie maalite?»

«Täpselt nii. Minu nimi on Olja,» ütles neuu ulatades mulle käe.

Mul peas käis mõte, kas suudelda ta kätt või tavalisel moel seda suruda. Ettevaatlikult siiski puudutasin seda huultega. Järsku tundsin huultel mingit väga meeldivat maitset.

Sel õhtul jõin ma üsna palju nagu kõik teisedki, kuid joobusin alles nüüd suudeldes selle võõra neuu kätt. Hetkega oleks just kui uduloor katnud kõik ümbritseva. Ma nägin ainult tema nägu. Me rääkisime millestki, kuid mulle tundus, et minu häälega räägib keegi teine. Sõnad olid nagu tähenduseta heli, õhuvärelus. Tähtsust omasid vaid tema silmad. Ma tundsin, et upun neisse.

(...)

Algasid tantsud ja ma olin juba Oljat tantsule palumas, kui järsku helises mu mobiil ja ma lahkusin vabanduste saatel teisse tuppa. Helistas minu isa ja küsis, kas ma saaks talle tagasi helistada tavatelefonilt. Mõtlesin mida talle vastata – tähendab ta teab juba ette, et ees seisab pikem jutuaamine kuigi ma vastasin, et saan. Viimati rääkisin ma temaga aasta tagasi. Ma läksin kööki, et keegi ei kuuleks, millest me räägime.

«Vabanda kutt,» alustas ta ja ma tundsin, et tal on piinlik, «kui sul on tegemist, siis ütle...»

Ma mõistsin, et tal on piinlik helistada mulle lihtsalt niisama, ilma igasuguse põhjuseta lihtsalt selleks, et rääkida.

Minu vanemad lahutasid siis, kui ma käisin 8. klassis ja alates 11. klassist ei suhelnud me isaga üldse. Kohtusime juhuslikult ainult mõnel korral. Siis läks ta teise naise juurde ja oli temaga õnnelik. Kahe aasta eest jättis naine ta maha ja ta jäi ükski. Ta oli viimasel ajal raskelt haige, kuid ma käisin teda vaatamas ainult ühel korral. Mitte sellepärast, et ma teda ei armastanud, aga ma tundsin mingit piinlikust. Niimoodi häbenetakse kerjuseid või vigaseid just kui tundes nende ees mingit süüd.

«Kutt, äkki tuled mulle täna külla? Mul on siin üks väga kallis konjak. Kingiti. Seisab juba kuu aega. Ma arvan, et peaks selle avama ainult koos sama kalli inimesega.»

Ma mõtlesin kurbusega, et vaevalt küll keegi talle praegu selliseid kalleid kingitusi teeb. Arvatavasti, ostis ise, võimalik, et viimase raha eest.

«Noh, kuidas on, kas tuled,» küsis ta, «ei, ära sa arva, ega ma peale ei käi.»

Sõita polnud ju kaugele. Ma kujutlesin isa – vana ja haiget meest, kes häbenedes oma sõnu valab konjakit ja väldib minu pilku. Aga siin, ukse taga, on muusika. Siin tantsitakse ja on lõbus, siin on leivad mustakalamarjaga, küünaldega tort... ja mis peamine, siin on Olja. Olja.

Ja samal hetkel astus ta uksest sisse: «Seal tantsitakse, mind on juba neli korda tantsule kutsutud, ma ei saa sind kauem oodata.»

«Kuule, ma vist ikka ei saa tulle,» ütlesin ma telefoni.

«No olgu kutt,» ütles isa, «ma ju saan aru, ega ma ei solvu. Ma ju armastan sind.»

Ma tahtsin talle vastata samade sõnadega. Ma teadsin, et ta vajab praegu neid sõnu, teadsin, et nad aitaksid teda praegu, et need sõnad päästaksid teda vähemalt mõneks ajaks üksindusest ja teeksid ta terveks õhtuks õnnelikuks. Kuid miski takistas mind neid ütlemast... hirm näida sentimentaalsena või liiga paatoslikuna, või siis ujedus... ja pealegi seisis mu kõrval Olga.

Ta astus mulle lähemale ja kallistas mind: «Noh, ütle veel, et sa räägid emaga ja kohe-kohe ütled talle hüvasti jätuks «Ma armastan sind.»»

«Olgu kuule helistame siis,» ütlesin ma telefoni ja samal hetkel mõistsin, kui külmalt ja võõralt ma isaga hüvasti jätsin.

«Ma ei hakka küsima, kellega sa rääkisid,» ütles Olga mängeldes, «huuled ei ole rääkimiseks vaid suudlemiseks,» ja suudles mind huultele. «Ja nüüd tantsima.»

Me tantsisime väga pikalt. Pidusid kestis hommikuni. Kõike ma enam ei mäletagi. Mäletan vaid seda, et vannituba oli pidevalt hõivatud. Me suudlesime Olgaga laua taga. Aga nende suudluste magusust segasid kibedad mõtted isast. Ma lahkusin kööki, et talle helistada, aga ta ei võtnud toru. Ma seisin köögis ja ootas, et Olga mulle järgneks. Oleksin tahtnud temaga kahekesi olla, kuid ta ei tulnudki.

Kui ma tuppa tagasi läksin, leidsin ta suudlemas Sašaga.

Järgmisel päeval oli mul väga halb ja mitte ainult pohmellist. Ma olin ju aimanud, et midagi on valesti. Kõik me oleme surelikud ja juhtus see, mis varem või hiljem juhtub kõigiga.

Sellest ajast saadab mind mõte, miks ma ei öelnud neid kolme sõnu, mis oleks teinud mu isa õnnelikuks?

Kõigest kolm sõna.

Kõigest kolm.

**Переводчик – Полина Муртазина
(Палдиская общая гимназия)**

PIDU

Kas te olete kirjanik, jah? – küsis ta.

Nojah, – ütlesin mina, – kirjutan midagi. Aga Teie joonistate, jah?

Jah. Minu nimi on Olja, – ütles neiu, ulatades mulle käe.

Ma mõtlesin: «Kas suudelda seda või lihtsalt kätelda?» Ikkagi puudutasin ettevaatlikult tema kätt huultega. Ja äkki tundsin huultel mingit väga meeldivat maitset.

Mina nagu ka kõik teised, jõin palju sellel õhtul, kuid tundsin joobumust ainult siis, kui suudlesin selle võõra neiu kätt. Kogu ümbritsev kattus äkki minu jaoks silmapilkselt mingi looriga. Ma nägin ainult tema nägu. Me rääkisime midagi, aga mul oli tunne, et räägib keegi teine, mitte mina. Sõnad olid ainult formaalsus, neil polnud mitte mingisugust tähendust, vabisesedes õhku. Tähtis oli ainult üks – tema silmad – ma tundsin, et upun neisse.

Algasid tantsud, ja ma tahtsin juba Oljat tantsule paluda, kuid siis helises mu telefon, ning vabandades lahkusin teise tuppa.

Helistas isa ja küsis, kas ma saan talle tagasi helistada lauatelefonilt. Ma mõtlesin, mida vastata. Tähendab, ta teab, et on tulemas mingi pikk jutt. Aga ma vastasin, et saan tagasi helistada.

Viimati rääkisin temaga aasta tagasi.

Ma läksin kööki, et keegi ei kuuleks, mida ma räägin.

– Vanake, anna andeks, – alustas ta ning ma tundsin, et tal on piinlik, – kui sa oled hõivatud, siis ütle...

Ma sain juba aru, et tal on piinlik selle pärast, et ta lihtsalt helistab mulle, ilma erilise põhjusega, lihtsalt, et vestelda.

Minu vanemad läksid lahku, kui ma õppisin 8. klassis, 11. klassis me ei rääkinud isaga enam üldse. Mitu korda nägime teineteist juhuslikult. Siis ta läks ära teise naise juurde ja oli temaga õnnelik. Kaks aastat tagasi jättis ta isa maha ning ta jäi üksinda. Viimasel ajal oli ta sageli haige. Kuid mina küllastasin teda ainult ühe korra.

Mitte sellepärast, et ma teda ei armastanud – lihtsalt tundsin mingit ebamugavust. Nii häbened vaeseid või puuetega inimesi, tundes mingit süüd nende ees.

– Vanake, võib-olla sa tuled täna minu juurde... mul on siin väga kallis brändi.

Kingiti. Juba kuu aega seisab. Sellepärast, et ainult sinusuguse kalli inimesega saan seda juua. Noh, kuidas jääb?

Mõtlesin kurbusega, et vaevalt praegu keegi talle niisuguseid kalleid kingitusi teeb. Võib-olla spetsiaalselt ostis... viimase raha eest.

– Noh, kas tuled? – küsis ta. – Ära mõtle, et ma tahan sind enda külge siduda.

Sõita polnud vaja eriti kaugele. Mulle kangastus mu isa, kes on vana, haige, häbenedes oma sõnu, valab klaasidesse brändit ning püüab seejuures mulle mitte silma vaadata.

Aga seal ukse taga mängib muusika. Seal tantsitakse. Seal on lõbus. Võileivad musta kalamarjaga, tort küünaldega... Ja, peamine, seal on Olja. Olja.

Ja siis ta tuli toast välja.

– Seal tantsitakse, – ütles ta, – mind on juba neli korda tantsima palutud. Ma ei saa sind rohkem oodata.

– Kuule, ma vist ei saa – ütlesin ma isale.

– Olgu, vanake – ütles isa, – ma saan aru, ma ei solvu. Ma armastan sind.

Oleksin tahtnud talle samaga vastata. Ma teadsin, kui väga ta neid kuulda oleks tahtnud. Kui palju need aitavad teda. Need kolm sõna oleksid teda aidanud vähemalt natukesekski, et üksindust eemale peletada, ja teeksid ta kogu õhtuks õnnelikuks. Aga miski ei lubanud mul neid sõnu öelda... Hirm näida sentimentaalsena, kartus olla kirglik, kartlikkus... Ja Olga on minu kõrval. Ta tuli minu juurde, võttis kaela ümber kinni ja kallistas.

– Noh, ütle veel, et räägid emaga ning praegu ütled talle head aega üteldes, et armastad teda.

Olgu, helistame – ütlesin ma, ja ainult siis, kui ma seda ütlesin, sain aru, kui külma ja võõra häälega ma neid sõnu laususin.

– Ma ei küsi, kellega sa rääkisid, – ütles Olga kelmikalt. – Huuled ei ole sõnade jaoks.

Nad on suudlemiseks.

Ja ta suudles mind huultele.

– Aga nüüd läheme tantsima!

Me tantsisime väga kaua. Külalised olid otsustanud mitte enne hommikut lahkuda. Ma mäletan halvasti, mis pärast juhtus. Mäletan ainult seda, et vannituba ja tualett olid kogu aeg hõivatud.

Me juba suudlesime Olgaga laua taga. Aga suudluste magusust segasid vaid kurvad mõtted isast.

Ma läksin kööki, et talle helistada, aga ta ei vastanud. Proovisin veel korra. Jälle keegi ei vastanud. Ma seisin köögis, oodates, et Olga tuleb minu juurde. Ma tahtsin jääda temaga kahekesi, aga ta ei tulnudki.

Aga kui ma tuppä tagasi läksin, nägin, et ta suudleb Sashaga.

Järgmisel päeval oli mul oli väga halb. Mitte ainult pohmaka pärast. Ma ju aimasin ette, et midagi pidi juhtuma. Me kõik oleme surelikud, ning juhtus see, mis varem või hiljem juhtub kõigiga.

Mõtlen siiani: miks ma ei öelnud siis neid kolme sõna, mis oleksid mu isa õnnelikuks teinud?

Ainult kolm sõna.

Ainult kolm.

Для перевода с эстонского языка на русский была предложена глава «В порту» из сказки Айно Первик «Klabautermanni mure»

Айно Первик – автор сказок, рассказов и коротких историй для детей и молодежи. Ее произведения были переведены на английский, чешский, финский и даже китайский языки. На её книгах воспитано несколько поколений детей, а по ряду произведений были поставлены спектакли и сняты кинофильмы.

Это замечательная эстонская писательница продолжает сочинять новые истории и, возможно, впереди нас ждут новые встречи с творчеством Айно Первик.

Ее произведения достойны того, чтобы их читали и перечитывали ещё долгое-долгое время.

SADAMAS

Hiina saadiku suur auto peatus sadamakail Pamina ees. Autost astus välja saadik tugevate turvameeste saatel. Autost tulid välja Turr ja Timps, koos Tiuksuga.

Pamina maabumissillale ilmusid vanaisa Koterma ja Klabautermann. Saadik sammus Timpsu, Turri, Tiuksu ja turvameeste saatel üle maabumissilla laevale.

«Tervitan teid Pamina pardal,» ütles Koterma väga pidulikult ja tegi sügava kummarduse. Kummardas ka Klabautermann.

Saadik kortsutas kulmu, hoides muiet tagasi. Mehikesed olid oma tähtsusega ikka parajalt naljakad.

Turvamehed vahtisid umbusklikult ringi. Natuke veider siin oli, kuid ohtu esialgu ei paistnud. Kõik oli puhas ja korras. Iseäranis silmahakkav oli oksi ja võra kandev grootmast ja mõnusad aiatoolid ning laud mastipuu all.

Ka saadik lausus mõned tervitussõnad. Ja siis saabusid laevatekile Mamps ja Pamps koos lastega.

Lapsed hoidusid hirmunult üksteise ligi. Saadik päris kohkus neid nähes. Vist ei olnud ta kogu lugu siiski väga tõsiselt võtnud. Ka turvamehed ajasid silmad pärani.

Sest veidra laeva tekil seisiski imelike tegelaste seltsis nüüd kuusteist lapsukest. Kuusteist pisikest hiinlast.

Saadik küsis lastelt midagi hiina keeles. Alguses ei vastanud keegi.

Saadik kordas küsimust, ja siis lausus kõige suurem laps arglikult mõned sõnad. Kui saadik aga nüüd natuke pikemalt rääkis, tormasid lapsed ühel hetkel kõik tropis saadiku juurde. Lapsed surusid end vastu saadikut, nad lausa klammerdusid ta külge. Kõik kuusteist last. Saadik oli nagu mesilasema keset mesilasperet. Rahustavalt laste päid ja õlgu silitades ütles ta midagi turvameeste pealikule. See haaras taskust mobiiltelefoni ja helistas kuhugi.

Ei läinudki pikalt, kui kaile Pamina ette saabusid kummide vilinal politsea autod. Autodest paiskusid välja politseinikud.

Just õigel ajal, sest täpselt samal hetkel jõudis kohale punapea Naatan koos Vesiroti meestega. Politseiautosid nähes üritasid röövlid põgeneda, kuid oli juba hilja. Politseinikud piirasid nad ümber. Käeraud muudkui klõpsusid, kui politseinikud Vesiroti mehi arreteerima asusid. Igaks juhuks. Kui keegi sündmuskohalt põgeneda üritab, siis on ta ju kindla peale milleski süüdi. Kahtlane igatahes. Kellel süüd ei ole, ega see ju politseinikke nähes punuma ei pista.

Eks hiljem jõuab selgitada, mis toimub ja kes on süüdi ja milles ta just süüdi on. Kõik röövlid võeti kinni.

Kõik, välja arvatud Tünn, kes oli mootorrattaga punapea Naatani selja taga istudes saadiku auto jälil sadamasse kihitanud.

Naatan oli jätnud Tünni sündmuste arengul silma peal hoidma ja ise Vesirotile mehi kutsuma tõtanud. Kindel see, et lapsed on vanal laeval.

Kindel see, et uhkes villas elav hiina mees oma turvadega on Liuhai tegelane, kes on lastele järele tulnud. Ega punapea Naatan ju ei taibanud, et saadik on Hiina riigi ametlik esindaja ja et tal pole Liuhaiga vähimatki pistmist. Naatan ei oleks osanud uneski aimata, et saadik võiks kutsuda politsei. Ometi just nõnda juhtus. Selleks ajaks kui röövlid saabusid, oligi politsei just kohale jõudnud ja röövlid jooksid politseile otse käte vahele!

Tünn jälgis asjade arengut eemalt oma peidupaigast. Mis seal just toimub, see jäi Tünnile veidi segaseks, kuid selge ju oli, et politsei oli asjast haisu ninna saanud. Tünn otsustas, et hoiab igaks juhuks kõrvale. Oleks päris rumal lasta ennast kinni võtta, kui on võimalus ka jalga lasta. See oli Tünni meelest nii hea mõte, et pani naeru kõhistama.

Jalga Tünn laskiski.

Tegelikult oli Tünn ju oma kodumaal tagasi. Nüüd otsustas ta, et siia ta jääbki. Esialgu. Vaatab väheke ringi ja eks siis näeb, mida ta peale hakkab.

Meresõidust oli tal igatahes isu täis. Tünn mõtles, et ehk leiab endale väheke rahulikuma ameti. Praegu oli hea võimalus kuritegelikust röövlielust välja astuda. Elule tuleks pööre peale teha. Aitab kurjategijate hulgas sebumisest. Tünn arvas, et tore oleks näiteks viljapuid kasvatada. Nagu seal laeval. Aga parem siiski kuskil kindla maa peal. Mõnes aias näiteks. Ehk leiab niisuguse töö, mõtles Tünn lootusrikkalt ja kõndis, käed taskus, sadamast minema.

Olgu öeldud, et juba järgmisel nädalal kaevas Tünn ühes puukoolis lähedasti maad. Igal õhtul pesi Tünn hoolega käsi ja jalgu, sõi kõhu kõvasti täis ja läks öndsalikku mõnuga puhtasse voodisse magama.

Это интересно !

Впервые предостерег российских переводчиков от стремления к простому копированию авторского текста Петр Первый.

В своем указе о том, каких ошибок следует избегать при переводе иностранных книг, он говорит: «...не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точно, суть выразумев, на своем языке так писать, как внятнее может быть». В этом указе с необыкновенной простотой и лаконизмом выражено основное правило переводческой работы: прежде всего думай о своих читателях.

Трудности перевода ?

На примере работы с текстом Айно Первик очень хорошо можно было увидеть, кто из молодых переводчиков заботился о своих будущих читателях. Особенно показательным в этом плане начало текста.

В основном писали так:

Большой автомобиль китайского посла остановился на причале перед «Памяной». Из автомобиля вышел посол в сопровождении сильных охранников. За ним выбрались Турр и Тимпс с Тиуксом. На трапе «Памяны» показались дед Котерманн и Клабаутерманн.

Кто все эти перечисленные? Догадаться невозможно.

А можно было перевести так:

Большая машина китайского посла остановилась на набережной перед «Памяной». Из машины вышел посол в сопровождении сильных телохранителей. За ним последовали собачка Турр и парнишка Тимпс вместе с птичкой Тиуксу. На пристани появились дедушка Котерманн и Клабаутерманн, духи старого парусника.

Это интересно !

Клабатер (Klabautermann)

Домовой немецких кораблей и судов. Его хорошо знают в Польше – на Поморье и в Кашубах. У любого уважающего себя корабля или шхуны есть свой клабатер. Пока клабатер живет на корабле, корабль не разобьется и не утонет. Однако стоит клабатеру, разозлившись, покинуть корабль, так того и гляди нагрянет беда. Поэтому моряки уважают клабатера и прощают ему на борту шутки и забавы, до которых клабатер весьма охоч. Если моряк, стоящий в темноте на вахте, вдруг получит солидную оплеуху либо крепкий таинственный пинок, нужно понимать: это как раз и был клабатер.

Клабатер никогда-приникогда не показывается простым матросам. А вот с капитаном либо штурманом частенько просиживает целыми ночами, треплется и потягивает ром в капитанской каюте.

Этимология слова неясна, обычно его связывают с немецким словом «Kalfaterer», от глагола «kalfatem», означающего конопачение и смоление щелей в палубах и бортах судов.²

Трудности перевода ?

Особенно трудной оказалась для молодых переводчиков фраза об удивительной грот-мачте.

Грот-мачта – это судовая мачта, обычно вторая, считая от носа судна.

В авторском тексте на сказочном корабле и грот-мачта необычная. Вот как об этом писали переводчики:

²<http://www.sapkowski.su/bestiary2.htm>

Все было тихо и спокойно. Лишь мачта, пустившая корни и плодоносящая вкусными грушами, миловидные садовые стулья и столик под мачтой-деревом казались странными.

Чисто, везде порядок. Опасность пока не грозила. А главная грот-мачта в виде растущего дерева с густой кроной, уютные садовые кресла и стол под мачтовым деревом особенно привлекали внимание.

В этих фрагментах всё понятно и действительно создаётся ощущение чего-то загадочного. Понятно, что это волшебный корабль с удивительной мачтой, которая превратилась в дерево.

Но были и переводы, авторы которых не совсем разобрались в ситуации:

- ...бросалось в глаза **дерево с пышной кроной на месте грот-мачты.**
- В глаза бросались причудливая грот-мачта, **увешанная ветвями и рыболовной сетью.**

Что случилось с грот-мачтой? Почему на её месте дерево? Как она может быть «увешана ветвями и сетью»? Увы, непонятно.

Переводчик – Полина Муртазина
(Палдиская общая гимназия)

В ПОРТУ

Большая машина китайского посла остановилась на набережной перед «Паминой». Из машины вышел посол в сопровождении сильных телохранителей. За ним последовали собачка Турр и парнишка Тимпс вместе с птичкой Тиуксу.

На пристани появились дедушка Котерманн и Клабаутерманн, духи старого парусника.

В сопровождении своей свиты посол прошел по пристани и вступил на борт корабля.

«Добро пожаловать на борт «Памины!» – низко поклонившись, торжественно произнес Котерманн. Поклонился и Клабаутерманн.

Посол приподнял бровь, сдерживая насмешку. Мужички, стараясь придать себе важности, действительно выглядели забавно.

Телохранители недоверчиво огляделись вокруг. Немного странно все было здесь, но опасности сначала не заметили. Все было тихо и спокойно. Лишь мачта, пустившая корни и плодоносящая вкусными грушами, миловидные садовые стулья и столик под мачтой-деревом казались странными.

Посол произнес несколько приветственных слов в ответ.

После этого на палубу поднялись Мампс и Пампс с детьми.

Дети испуганно смотрели друг на друга. Посол вздрогнул, увидев их. Все-таки он не верил в похищение детей до этого момента. И охранники удивленно глядели по сторонам.

На палубе странного корабля, среди странных деятелей, находились шестнадцать спасенных детишек. Шестнадцать «маленький китайчиков».

Посол спросил что-то у детей на китайском языке. Сначала ему никто не ответил. Он повторил вопрос, и тогда самый старший ребенок застенчиво произнес несколько слов. Пока посол говорил еще что-то, дети расположились около него. Они прямо-таки облепили его со всех сторон. Все шестнадцать детей. Посол был как пчелка в кругу пчелиной семьи. Глядя детей по голове и плечам, он сказал что-то главному охраннику. Тот, в свою очередь, достал телефон и куда-то позвонил. Прошло немного времени, и на набережную, выехали машины, из которых выскочили полицейские. В этот же момент прибыл и рыжий Наатан вместе с парнями из Весироти. Увидав полицейские машины, похитители детей попытались скрыться, но было уже поздно. Полицейские окружили их. Заскрипели наручники – полицейские арестовывали банду Весироти.

Если кто-то пытается сбежать, значит, он точно в чем-то виновен. По крайней мере, он – подозреваемый. Тот, кто чист перед законом, не станет увильнуть от полиции. Позже выяснится, что происходит и кто в чем виновен. Всех преступников задержали. Всех, кроме Тюнна, который сидел на мотоцикле позади Наатана, примчавшегося в порт по следам машины посла.

В этой суматохе Наатан совершенно забыл о Тюнне, хотя сам порекомендовал морякам из банды Весироти взять парня с собой. Было ясно, что дети на старом корабле. Было ясно, что живущий в роскошной вилле китаец с охранной был человеком Лиухая, который приехал за похищенными детьми. Но рыжий Наатан и не догадывался, что посол – дипломатический представитель Китая, и у него не было ничего общего с Лиухаем. Наатан даже предположить не мог, что посол пригласит полицию. Однако именно это и произошло. К тому времени, как прибыли похитители, полиция была уже на месте и банда попала к ним прямо в руки.

Тюнн наблюдал за развитием событий со стороны, из своего укрытия. Он не совсем понимал, что происходит, очевидным было одно: полиция что-то пронюхала об этом деле. Он решил, что в любом случае останется в стороне. Было бы глупо выдавать себя, когда есть возможность сбежать.

Тюнну так понравилась эта мысль, что он хихикнул.

На самом деле он был далеко от своей родины. Теперь он решил, что здесь и останется. Поначалу. Немного осмотрится вокруг и найдет себе занятие. Все равно ему уже надоело мореплавание. Тюнн подумал, что мог бы подыскать себе более спокойную профессию. Ему выпала прекрасная возможность покончить с преступной жизнью. Нужно было изменить свою жизнь. Хватит жить среди преступников. Тюнн подумал, что было бы здорово выращивать, к примеру, плодовые деревья. Как одно из тех, что сейчас на корабле. Но лучше где-нибудь на твердой земле. В каком-нибудь саду, например.

«Вдруг получится найти такую работу», – мечтательно думал Тюнн и шел, засунув руки в карманы, прочь от порта.

Нужно сказать, что уже на следующей неделе он с удовольствием пахал землю в садовой школе. Каждый вечер Тюнн заботливо мыл руки и ноги, ел досыта и с блаженным удовольствием ложился спать в чистую кровать.

Лучшие
переводы

Переводчик – Мария Последова
(Таллиннский университет)

В ПОРТУ

Большая машина китайского посла остановилась на причале перед «Паминой». Из автомобиля вышел посол в сопровождении крепких телохранителей. Турр, Тимпс и Тиукс тоже вылезли из машины.

На трапе «Памины» появились дедушка Котерман и Клабаутерман³.

Посол в сопровождении Тимпса, Турра, Тиукса и охраны взошел по трапу на судно.

«Приветствую вас на борту «Памины», – торжественно произнес Котерман и отвесил низкий поклон. Поклонился и Клабаутерман.

Посол нахмурил брови, скрывая усмешку. Мужички были довольно смешны в попытке казаться значительными.

Телохранители недоверчиво озирались. Здесь было немного странно, хотя поначалу опасности не было заметно. Вокруг чисто и прибрано. В глаза бросались причудливая грот-мачта с ветвями и рыболовной сетью, а также уютные садовые кресла и столик, стоящие под мачтой.

Посол произнес несколько приветственных слов в ответ.

И тут на палубе появились Мампс и Пампс вместе с детьми.

Ребятишки испуганно жались друг к другу. Посол совершенно ужаснулся, увидев их. Видимо, он не представлял, что все так серьезно. Даже охранники потупили взгляды, потому что на палубе удивительного судна в компании странных типов оказалось шестнадцать малышей. Шестнадцать крохотных китайцев.

Посол о чем-то спросил детей на китайском. Поначалу никто не ответил. Посол повторил вопрос и тогда самый старший ребенок робко произнес несколько слов. Посол продолжил говорить, после его слов дети тут же бросились к нему. Ребятишки прижались к послу, буквально вцепившись в него. Все шестнадцать. Посол был словно пчелиная матка среди пчелиной семьи. Успокаивающе поглаживая головы и плечи детей, он сказал что-то начальнику охраны. Тот вытащил из кармана мобильный телефон и куда-то позвонил.

³ Фамилии происходят из балтийского морского фольклора: Котерман (эст. Kotermann), Клабаутерман (нем. Klabaутermann) – имена корабельного духа, который предупреждал моряков об опасности и появлялся обычно перед гибелью судна, поэтому встреча с ним считалась дурным знаком.

Вскоре на пристани перед «Паминой» затормозили полицейские машины. Из них выбежали полицейские.

И очень вовремя, потому что в эту же самую минуту на место подоспел рыжий Наатан вместе с парнями Водяной Крысы. Увидев полицейских, преступники попытались сбежать, но было уже поздно: их окружили. Наручники так и щелкали, пока полицейские арестовывали банду Водяной Крысы. Если кто-то попытается скрыться с места событий, он наверняка в чем-то замешан. Так или иначе, это подозрительно: на ком нет вины, тот при виде стражей порядка не бросится наутек.

Потом успеют выяснить, что происходит, кто и в чем именно виноват.

Всех преступников задержали.

Всех, кроме Тюнна, который, сидя за спиной Наатана, примчался в порт на мотоцикле вслед за посольским автомобилем.

Наатан оставил Тюнна наблюдать за развитием событий, а сам поспешил позвать банду Водяной Крысы. Очевидно, что дети на старом суденышке. Нет никаких сомнений в том, что китаец с охраной, живущий в шикарной вилле, человек Лиухая, и он пришел за детьми. Рыжий Наатан не сообразил, что посол – официальный представитель Китая и он не имеет ни малейшей связи с Лиухаем. Наатан и предположить не мог, что посол может вызвать полицию. Тем не менее, именно это и произошло. К тому времени как приехали бандиты, полиция уже прибыла на место и те попали прямо им в руки!

Тюнн следил за ходом событий со стороны, из своего убежища. Что именно там происходит, Тюнн так до конца и не понял, ясно одно: в дело вмешалась полиция. Тюнн решил, что на всякий случай стоит спрятаться. Было бы глупо дать себя схватить, если можно унести ноги. Это показалось Тюнну такой хорошей идеей, что он даже захихикал.

И Тюнн сбежал.

По сути дела, Тюнн ведь вернулся к себе на родину. А теперь он решил, что здесь и останется. По крайней мере, на первых порах. Осмотрится немного и там решит, что предпринять. В любом случае, мореплавателей с него хватит. Тюнн подумал, что было бы неплохо найти работенку поспокойнее. Сейчас самое время покончить с бандитской жизнью. Нужны перемены. Довольно мыкаться среди преступников. Тюнн решил, что было бы здорово выращивать, к примеру, плодовые деревья, как на том судне. Но лучше все-таки на твердой земле. В каком-нибудь саду.

«Неплохо, если найдется такая работенка», – подумал Тюнн с надеждой и пошагал прочь из порта.

Уже на следующей неделе Тюнн с удовольствием копал землю в одном лесном питомнике. Каждый вечер он тщательно мыл руки и ноги, съедал плотный ужин и блаженно отправлялся спать в чистую постель.

**Переводчик – Серафима Афанасьева
(Ыйсьмяэский Русский лицей)**

В ПОРТУ

Внушительных размеров машина китайского посла остановилась на портовой пристани перед «Паминой». Из машины вышел посол в сопровождении крепких охранников. Следом вылезли Турр и Тимпс с Тиуксом.

На трапе «Памины» появились старик Котерманн и Клабаутерманн.

Посол в сопровождении Тимпса, Турра, Тиукса и охранников поднялся по трапу на корабль.

– Приветствую Вас на борту «Памины», – сказал Котерманн очень торжественно и отвесил низкий поклон. Поклонился и Клабаутерманн.

Посол нахмурился, стараясь скрыть улыбку. Мужички забавляли его своей важностью.

Охранники недоверчиво глядели вокруг. В воздухе чувствовалось странное напряжение, хотя ничто не предвещало опасности. Везде были чистота и порядок. Особенно бросалось в глаза дерево с пышной кроной на месте грот-мачты, удобные садовые стулья и стол под ним.

Посол в ответ произнёс несколько слов приветствия.

И тогда на палубе корабля объявились Мампс и Пампс вместе с детьми.

Дети испуганно жались друг к другу. Посол, увидев их, пришёл в некоторое замешательство. Вероятно, он не принимал происходящее всерьёз. Охранники же вытаращили глаза.

В самом деле, на палубе странного корабля в обществе странных людей стояло шестнадцать ребятишек. Шестнадцать маленьких китайцев.

Посол спросил у детей что-то по-китайски. Вначале никто не ответил. Посол повторил вопрос, и тогда самый старший ребёнок робко произнёс какие-то слова. Тут посол сказал какую-то более длинную фразу, и дети все разом ринулись к нему. Все шестнадцать детей прижались к послу, буквально вцепившись в него. Посол был как пчелиная матка посреди пчелиной семьи. Успокаивающе глядя головы и плечи детей, он что-то сказал начальнику охранников. Тот сразу выхватил из кармана мобильный телефон и куда-то позвонил.

Прошло всего несколько минут, и на пристани перед «Паминой», визжа колёсами, остановились полицейские машины. Из них высыпали полицейские.

Как раз вовремя, потому что в тот же самый миг явился рыжий Наатан вместе с людьми Водяной Крысы. Увидев полицейские машины, разбойники попытались скрыться, но было уже поздно. Полицейские окружили их и просто на всякий случай принялись всех вязать; наручники так и щёлкали. Ведь если кто-то пытается сбежать с места происшествия, значит, он точно в чём-то виноват. Во всяком случае, это подозрительно. На ком нет вины, тот ведь при виде полицейских не станет уносить ноги.

А в том, что происходит, и кто виноват, и в чём именно, можно разобраться и позже.

Всех разбойников взяли.

Всех, кроме Тюнния, который, сидя на мотоцикле за спиной рыжего Наатана, примчался в порт за машиной посла.

Наатан оставил Тюнния следить за развитием событий, а сам поспешил созвать людей Водяной Крысы. Ясно, что дети находятся на старом корабле. Ясно и то, что китаец, живущий на шикарном вилле со своими охранниками, – человек Лиухая, который приехал за детьми. Рыжий Наатан же не сообразил, что посол – официальный представитель Китайского государства и не имеет к Лиухаю ни малейшего отношения. Наатану и во сне бы не привиделось, что посол мог бы вызвать полицию. Однако именно так и случилось. Полиция прибыла на место, опередив разбойников, и они попали прямо в руки стражей порядка.

Тюннь следил за развитием событий со стороны из своего укромного места. То, что там происходило, Тюнню запомнилось весьма смутно, хотя было понятно, что полиция обо всём пронюхала. Тюннь решил, что будет держаться на всякий случай в стороне. Было бы довольно глупо дать себя поймать, если есть возможность смотать удочки.

По мнению Тюнния, это была такая хорошая мысль, что он закашлялся от смеха.

И он затаился.

По правде говоря, Тюннь был снова на родине. Теперь он решил, что здесь и останется. На первое время. Посмотрит немножко вокруг и, может, тогда и увидит, чем можно заняться. Мореплаванием он в любом случае сыт по горло. Тюннь подумал, что, может, найдёт себе дело поспокойнее. Сейчас же как раз представилась хорошая возможность покончить с ремеслом злодея и разбойника. В жизни нужно было сделать поворот. Хватит болтаться в обществе преступников. Тюннь подумал, что было бы здорово, например, выращивать плодовые деревья, как там, на корабле. Но лучше всё-таки где-нибудь на твёрдой земле. В каком-нибудь саду, например.

– Может, найдётся такая работа, – подумал Тюннь, преисполненный надежды, и пошёл, держа руки в карманах, вон из гавани.

И к слову сказать, на следующей неделе он уже лихо копал землю в одном садоводстве. Каждый вечер Тюннь мыл усердно руки и ноги, наедался до отвала и с наслаждением ложился спать в чистую постель.

Лучшие
переводы

Переводчик – Ирина Золотых
(Северно-Западный государственный медицинский университет
имени И. И. Мечникова)

В ПОРТУ

Большой автомобиль китайского посла остановился на пирсе напротив пришвартованного судна «Памина». Посол вышел из машины в сопровождении крепкого телосложения телохранителей, собака Турр и Тимпс вместе с райской птицей Тиуксу выскочили следом за ними.

Дедушка Котерманн и его друг Клабаутерманн появились на трапе судна.

В сопровождении телохранителей посол с Тимпсу, Турри и Тиуксу подошли к трапу.

– Добро пожаловать на борт судна «Памина», – официально произнес Котерманн и галантно поклонился. Клабаутерманн раскланялся тоже.

Посол с трудом сохранил серьезное выражение лица.

Телохранители с подозрением оглядывались по сторонам. Это было очень странное место. Чисто, везде порядок. Опасность пока не грозила. А главная грот-матча в виде растущего дерева с густой кроной, уютные садовые кресла и стол под матчовым деревом особенно привлекали внимание.

Посол произнес слова приветствия.

В этом момент на палубе появились Мампс и Папс с детьми. Дети испуганно жались друг к другу. Увидев их, посол растерялся. Возможно, он недостаточно досконально изучил всю эту историю. Телохранители были шокированы тоже.

Сейчас на палубе странного судна вместе с необычными героями стояли шестнадцать детишек. Шестнадцать маленьких китайцев. Посол что-то спросил у детей по-китайски. Никто не ответил. Посол повторил вопрос, и тогда самый большой мальчик робко произнес несколько слов. Теперь посол говорил чуть дольше, и дети бросились к нему. Они прижались к нему, вцепившись руками в его одежду. Все шестнадцать детей. Посол стал похож на пчеломатку в центре пчелиной семьи. Успокаивающе поглаживая головы и плечи детей, он что-то сказал главному телохранителю. Охранник быстро достал мобильник из кармана и куда-то позвонил.

Вскоре на причал примчались, завывая сиреной, полицейские машины и, завизжав колёсами, остановились. Полицейские выскочили из машин.

Они успели вовремя, потому что в то же самое время появился рыжий Наатан вместе с командой Весирота. Увидев полицейские машины, разбойники попытались бежать, но было поздно. Полицейские окружили их. Щелкали наручники. Арестовывали всех людей Весирота. На всякий случай. Ведь если кто-то с места просшествия пытается бежать, то он в чем-то виноват. По крайней мере, подозреваемый. Невинновных полицейские задерживать не будут.

В дальнейшем будет установлено, что случилось, кто виновен и какова вина каждого.

Все разбойники были схвачены.

Все, за исключением Тюнна. Он примчался в порт вдогонку за автомобилем посла на мотоцикле рыжего Наатана.

Наатан поручил Тюнни следить за развитием событий, а сам попросил людей Весирота поторопиться. Было ясно, что дети на старом судне. Наатан полагал, что живущий на охраняемой шикарной вилле китайский мужчина, пришедший за детьми, – деятель Лиу Хай, а не посол – дипломатический представитель китайского государства. Не подозревал Наатан и того, что посол может вызвать полицию. Тем не менее, это случилось. Приехавшие на место полицейские, схватили подъехавших чуть позднее бандитов.

Тюнн наблюдал за развитием событий из убежища. Там происходило что-то непонятное. Но ясно было одно: полиция выследила разбойников. И Тюнн решил уйти от ответственности. Глупо быть арестованным, если есть возможность избежать этого. По мнению Тюнна, это была хорошая мысль, и он рассмеялся.

Тюнн решил выйти из игры.

На самом деле Тюнн уже вернулся к себе на родину. Здесь и останется. На первое время. Осмотрится и решит, как жить. Плавание ему надоело. Нужно найти занятие себе по душе. Такая возможность сейчас представилась. Тюнн, например, считал, что выращивать плодовые деревья – это хорошая идея. Такие, как там, на корабле. Но все-таки лучше где-нибудь на суше. Например, в саду.

– Может быть, найдется такая работа, – оптимистично подумал Тюнн и ушел из порта, держа руки в карманах.

К слову сказать, уже на следующей неделе он работал в питомнике, на свободном участке земли. Каждый вечер тщательно мыл руки и ноги, наедался досыта и засыпал безмятежным сном в чистой постели.

ПЕРЕВОДИМ ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

Когда-то известный переводчик Самуил Яковлевич Маршак, будучи глубоко убежденным в том, что перевод стихов – высокое и трудное искусство, выдвинул два, казалось бы, парадоксальных положения:

Первое. Перевод стихов невозможен.

Второе. Каждый раз это исключение.

С. Маршак определил основные принципы, которыми должен руководствоваться переводчик поэтического текста

- **Совершенное владение родным языком.**
- **Бережное сохранение духа оригинала, естественности его звучания.**
- **Мастерство перевоплощения:**
переводчик должен «как бы перевоплотиться в автора, ... влюбиться в него, в его манеру и язык, сохраняя при этом верность своему языку и даже поэтической индивидуальности»
- **Осознание свободы и необходимости.**
Необходимость требует как можно ближе придерживаться размера и ритма оригинала, передавать в переводе основной замысел поэта. Но поэт-переводчик должен быть свободен от буквальной точности, которая ведет к насилию над своим языком, к потере поэтической ценности переводимого.

Но в то же время С. Маршак предостерегал против чрезмерно вольного обращения с текстом подлинника, которое приводит к искажению оригинала, стирает его индивидуальные и национальные черты.

Это интересно

Алекса́ндр Сумаро́ков – один из крупнейших представителей русской литературы XVIII века, создатель репертуара первого русского театра предупреждал переводчиков о том, что они могут пользоваться словарём в три пуда (почти 50 кг), но «помощи великой от него не будет,

*Коль речь и слова поставишь без порядка,
И будет перевод как некая загадка,
Которую никто не отгадает век,
То даром, что слова все точно ты нарек,
Не то! Творцов мне дух яви и силу точно...*

Не слова нужно переводить, а силу и дух.

И. А. Бунин

Переводчик стихов – соперник автора.

В. А. Жуковский.

Идеальный перевод – передаёт идею оригинала, обладает такой же силой эстетического воздействия, но в нём использованы совершенно другие формы и языковые средства.

**Для перевода на эстонский язык
было предложено стихотворение
Екатерины Полянской**

Екатерина Полянская – член Союза Писателей России с 2002 года.

Печаталась в газетах и журналах «Нева», «День и ночь», «Звезда», «Литературная газета», «Дружба народов». Автор пяти стихотворных сборников. Переводилась на польский, болгарский, японский, английский, сербский и чешский языки.

Эпиграфом к стихотворению являются известная строка из произведения Константина Ваншенкина «Я люблю тебя, жизнь...»

Я люблю тебя, жизнь...

К. Ваншенкин

Если б я родилась, скажем, в благообразной Германии,
Там, где всё аккуратно – коровы, дома, лопухи,
То любила бы пиво, копила бы деньги и знания,
Уважала законы и вряд ли писала стихи.

Если б я родилась в легкомысленно-женственной Франции,
Там, где так хороши и любовь, и вино, и духи,
То изящно флиртуя, я век не сходила б с дистанции –
Заводила романы и вряд ли писала стихи.

Если б я родилась в золотистой, певучей Италии,
Там, где небо смеётся, а солнце – сжигает грехи,
Там, где зреют лимоны, растёт виноград и так далее,
Я бы пела, как птичка, но вряд ли писала стихи.

Но живу я в России, с глазуньей дар Божий не путаю,
Чтоб в ночи не замёрзнуть, полешки последние жгу,
И люблю непонятно за что эту горькую, лютую,
Неуютную жизнь. И стихи не писать – не могу.

Слово «глазунья» в русском языке обозначает яичницу, в которой желток жаривают целиком, не смешивая с белком.

Фраза из стихотворения Екатерины Полянской «... с глазуньей дар Божий не путаю» – несколько видоизменённое устойчивое выражение (фразеологизм) «Не путай божий дар с яичницей» который призывает не сравнивать несопоставимые вещи, давать верную оценку происходящему, не связывать низкое и возвышенное.

Известно, что фразеологизмы, пословицы, поговорки всегда очень трудно переводить. Посмотрим, как справились с переводом этого выражения наши конкурсанты:

Но живу я в России, с глазуньей дар Божий не путаю,
Чтоб в ночи не замёрзнуть, полешки последние жгу...

Ma elan Venemaal, ei aja härjasilma segamini Jumala anniga,
Et hilisööl mitte külmetada, süütan viimased halud...

Aga elan ma Venemaal, terasid sökeldest eraldan,
Et ma öösel ei külmetaks, põletan viimaseid halge...

Vaid elan ma just Venemaal, härjasilmaga Jumala ande ei sega.
Selleks, et öösel mul külma ei tekiks, põletan viimased puud mina ära...

Kuid elan ma Venemaal, praetud muna Jumala andega ei aja segi,
Et öösel mitte külmuda, põletan viimaseid puid...

Vaid elan ma Venemaal, talenti munarooga ei aja segamini,
Et öösel mitte külmuda, puuhalukesi kõrvetan...

Kuid elan ma Venemaal, on eraldi terad ja söklad,
Ja öökülma vastu ma viimased riidadki põletan...

Aga ma elan Venemaal, mis on Jumala kingituseks mulle,
Mis on öö ilma soojuseta, viskan viimased halud tulle.

Переводчик – Йоханна-Мария Поэль
(Таллиннская Юхисгимназия)

Elu, armastan Sind
K. Vanšenkin

Kui oleksin sündinud Saksamaal, eeskujulikus peres
kus teed ja majad sirges reas, korraarmastus oleks mul veres
ma koguksin raha ja teadmisi, jooks õlut ja seadusi austaks
kuid värse ei looks ega luuletaks, salme ei kirjutaks taustaks

Kui oleksin sündinud Prantsusmaal, naiselik-kergemeelsel,
seal, kus arm, vein ja parfüüm on nii peened,
õrn flirt romaane looks mul terve eluea,
kuid luulet ma vaevalt küll kirjutaks seal.

Itaalias kui oleksin sündinud, kuldses-laulusuises,
kus taevas naerab päike, elu iial pole üksluine,
ma külluse viljade karikast jooks,
vaid lauludega pead ma vaevaks – kuid luulet eal ei looks

Ent elan ma Venemaal karmil,
külm öö kus jätta võib armid.
Kuid luulet mitte luua siin
oleks talumatu piin.

Переводчик – Алисия Емец
(Таллиннский Французский лицей)

---

*Ma armastan sind, elu...
K. Vanšenkin*

Vahel keset tavapärasest jutuvada
julgen mina vaikselt oletada,
et kui sünnikohaks oleks minul Saksamaa,
kus farmidest ja põldudest ei üle ega ümber saa,
upuksin ma tarkuse ja terasuse meres,
koguksin ma raha, õllejanu veres.
Kuid kahjuks pean ma teile siiski tõdema,
et vaevalt, vaevalt luuletaksin ma.

Kui ilmal' oleks tulnud mina hoopis Prantsusmaal,
kus vabameelset naiselikkust oma hinges tunda saab,
ei flirdist, lõhnadest ja veinist tunneks puudust eal.
Graatsiliselt sehvtides ma kaotaksin pea.
Värvikad afäärid oleks õnnekoormaks mul,
kuid ei kirjutaks siis iial luuleridu sulg.

Kui Itaalia minu koduks oleks määrand laulev atmosfäär,
kus pole kuldsest naerval päiksel kuskil otsa ega äärt,
et kasvatada sidruneid ja inimeste rõõmu
seal luuletuste asemel ma võtaks laulusõõmu.

Kuid elan oma kodumaal, kuhu Jumal mind on kandnud
ning armastuse külmavõitu ööde vastu andnud.
Ebamugav, laiduväärt, kuid mina olen rahul,
sest selles karges tüütus kliimas luulet pähe mahub.

*Ma armastan sind, elu
K. Vanšenkin*

Kui ma oleksin sündinud, ütleme, toredal Saksamaal,
seal, kus kõik on nii korralik – elamud, lehmad ja takjas,
ma siis armastaks õlut ning koguksin raha ja tarkusi,
seaduskuulekas oleks ja vaevalt küll kirjutaks värssse.

Kui ma oleksin sündinud kerglaselt naiselikul Prantsusmaal,
seal, kus armastus, vein ja parfüüm on nii lõhnav ja veetlev,
koketeerides osavalt, iialgi rajalt ei lahkuks ma:
armuseiklusi otsiks ja vaevalt küll kirjutaks värssse.

Kui ma oleksin sündinud kullakas, laulvas Itaalias,
seal, kus päikene põletab patud ja naeratab taevas,
seal, kus valmivad sidrunid, kasvavad marjad et cetera,
ma siis laulaks kui lind, aga vaevalt küll kirjutaks värssse.

Aga elan ma Venemaal, terasid sökeldest eraldan,
et ma öösel ei külmetaks, põletan viimaseid halge,
ja teab miks seda kibedat, metsikut elu küll armastan.
Ega värssisid kirjutamata ma elada saagi.

На русский язык конкурсанты переводили стихотворение Дорис Карева

Дорис родилась в Таллинне. Закончила отделение английской филологии Тартуского государственного университета. Автор семи поэтических сборников, член Союза писателей Эстонии. Её произведения одновременно лаконичны по форме и насыщены по содержанию. Она из тех поэтов, кто тщательно работает над словом, используя все возможности языка. Главные темы поэзии Дорис Карева – человек в мире людей и в мире вещей.

Sa tead, mismoodi sõna muutub rahaks.
Sa oled lugenud, et aeg jääb vahaks
ja sinna mahub üha uusi sõnu.
Sa oled tundnud sellest mängust mõnu
ja siiski vaikinud.
Sest kes ei tahaks
küll kõnelda vaid siis, kui seda vaja.
Nii kõneleb see, kes on Õpetaja.
On asjastunud ajal mitu tahku;
kus keeb, seal muliseb.
Kesk sõnavahtu
kes teeb, sel pole aega teha sõnu.
Sa oled näinud, mõistnud, tundnud tänu:
ei muutu Raha tagasi taas Sõnaks.

Русский язык по праву называют одним из наиболее богатых и развитых языков мира. Его богатство – в неисчислимом запасе лексики и фразеологии, в смысловой насыщенности словаря, в безграничных возможностях фонетики, словообразования и сочетания слов, в многообразии лексических, фразеологических и грамматических синонимов и вариантов, синтаксических конструкций и интонаций. Все это позволяет выражать тончайшие смысловые и эмоциональные оттенки.

Молодые переводчики, используя всё богатство русского языка, показали, как по-разному можно передать одну и ту же мысль

О значимости слов:

- Ты знаешь, как становится богатством слово.
- Ты знаешь, как слово обогащает,
- Познал, как из слов можно лить монеты.
- Знаешь ли ты, как слова обращаются в деньги.
- Не станут Деньги снова Словами.
- Из Денег не слепишь Живое Слово.

О быстротечности времени:

- Читал, будто время подобно воску.
- Читал ли, что время тает как воск,

О ненужности пустых слов:

- Читал ты, что во времени из воска снова и снова разные слова находят место.
- Читал, что время становится пеной, несущей горсть новых слов
- Когда среди пены словесной ты творишь, нет времени на фразы
- У творящего на разговоры времени нет.
- Достаточно слов, бездействий и лени, Предел разговорам без всякой нужды.

Переводчик – Инна Ковылина
(Таллиннская кесклиннская русская гимназия)

Познал, как из слов можно лить монеты.
Читал, будто время подобно воску.
Играл, превращая время в куплеты,
В другие слова, добавляя лоску.
И всё же умолк. Ну кто не хочет
Прослыть говорящим только по сути.
Помнишь? Учитель что-то бормочет
Об искрах золота в серой мути.
А без огня не бывает дыма,
И времени грани проявятся снова.
Ты видел, ты понял – непоправимо –
Из Денег не слепишь Живое Слово.

Переводчик – Анастасия Фролова
(Тапасская гимназия)

.....

Ты знаешь, как слово обогащает,
Читал, что время становится пеной,
Несущей горсть новых слов.
Эта игра дарила тебе наслажденье,
И всё-таки ты молчал.
Благо звучать тогда, когда нужно.
Так говорит Учитель.
Преобразует в кристалл,
Играющий множеством граней,
Словесную лёгкую пену
Время.
У творящего на разговоры времени нет.
Ты всё видел и понимал, чувствуя благодарность:
Не станут Деньги снова Словами.

Переводчик – Александр Лысенко
(Ыйсмьяэский Русский лицей)

.....

Знаешь ли ты, как слова обращаются в деньги,
Читал ли, что время тает как воск,
Воск тот вмещает людские слова и мысли,
Людские слова и мнения лоск.
И чувство блаженства, веселья сего, стихает и тает.
И тает как воск, стекая на дно.

Достаточно слов, бездействий и лени,
Предел разговорам без всякой нужды.
И как говорил твой наставник-учитель:
Человек жив лишь тот,
Кто смотрит на жизнь поверх словоблудий узды,
Где кипящие реки обмана и журчащие
Источники лжи.

Но лишь тот, кто выбрался из этой иллюзии жизни,
Кому терпеть не было более мочи,
Не тратящий время на слово до ночи.
До тёмной ночи, где не видно не зги.

Он видит, он думает, чувствует снова,
И дело в руках его спорится и горит,
Не тратит он жизнь свою на слово,
Он попросту всё делает и молчит.

**Переводчик – Антон Иванов
(Тартуский университет)**

Ты знаешь, как становится богатством слово.
Читал ты, что во времени из воска снова
И снова разные слова находят место.
Бывала та игра и для тебя так лестна,
Но всё же ты молчал. А кто же не хотел бы
Тогда лишь говорить, когда необходимо?
Так молвит тот, чья мудрость нам недостижима.
Овеществлённый век имеет много граней;
Где бьёт ключом, там пенится. Когда средь пены
Словесной ты творишь, нет времени на фразы.
Увидел, понял и познал ты благодарность –
В богатство слова превращенья безвозвратность.

Всем, кто хочет больше узнать об искусстве перевода, советуем прочитать замечательные статьи:

В. Я. Брюсов. Фиалки в тигеле

Стремиться передать создания поэта с одного языка на другой, – это то же самое, как если бы мы бросили в тигель⁴ фиалку, с целью открыть основной принцип ее красок и запаха. Растение должно возникнуть вновь из собственного семени, или оно не даст цветка, – в этом-то и заключается тяжесть проклятия вавилонского смешения языков.

С. Я. Маршак. Поэзия перевода

С. Я. Маршак. Портрет или копия

Настоящий художественный перевод можно сравнить не с фотографией, а с портретом, сделанным рукой художника. Фотография может быть очень искусной, даже артистичной, но она не пережита автором.

Б. Л. Пастернак. Заметки переводчика

Переводы либо не имеют никакого смысла, либо их связь с оригиналами должна быть более тесной, чем принято. Соответствие текста – связь слишком слабая, чтобы обеспечить переводу целесообразность. Такие переводы не оправдывают обещания. Их бледные пересказы не дают представления о главной стороне предмета, который они берутся отражать, – о его силе. Для того, чтобы перевод достигал цели, он должен быть связан с подлинником более действительной зависимостью.

Эти и многие другие интересные материалы можно найти на сайте: <http://sonnets-best.ru>

До встречи!

⁴ ТИГЕЛЬ – ёмкость для нагрева, высушивания, сжигания, обжига или плавления различных материалов.